

Юрий Михайлик

Евгению Голубовскому

* * *

В этом сборище скифских, гуннских и готских прибрежий
ни промеров, ни лоций, ни зла не найти, ни добра,
и останки галер попадаются реже и реже,
а все больше подводные лодки, торпедные катера.

Это греки включали кораблекрушенья в поэмы,
археологи бредят, а я и гадать не берусь –
что же было в тех амфорах? Ибо погибла трирема
меж Харибдой и Сциллой, и волны похитили груз...

За три тысячи лет эти скалы укрылись в сказаньях,
обменявшись местами, исчезло добро или зло.
Через тысячи лет эта форма и есть содержанье,
тем, кто знает об этом, неслыханно повезло.

Просто белая глина своевольна, как спелая пена,
виноградной лозы измышляя капризный извив,
средиземный орнамент сплетается в ней неизменно,
ни волны, ни струны в дивном замысле не повторив.

Пальцы мастера – глина хранит торжество и дрожанье.
Винным камнем иль масляным крыто пологое дно.
Через тысячи лет эта форма – и есть содержанье,
продолжение в вечность того, что постичь не дано.

Ни следа на песке, кто стоял здесь, потерю оплакав.
Ни следа на воде, кто тонул, пропадая в беде.
Но сосуд возрожденный три тысячи лет чернолаков,
эти люди танцуют в городах, не возникших нигде.

Что же было в тех амфорах, смытых и морем разбитых, –
масло, уксус, вино, – но хлестнувший волной наизусть
прорывается давний зеленых, соленых, забытых,
обжигающих память, горчайший и радостный вкус.

* * *

1.

Нас принесла волна в смутные времена,
где совместить невозможно лица и имена.
Как из-под толщи льда в антарктические года –
легко угадать звучанье, но значение – никогда.
Будто бы на родном, но совершенно ином,
не то на старославянском, не то на новоблатном.
Что ж, помолчи со мной, старый товарищ мой,
на языке молчанья нас позовут домой.

2.

Города, расположенные по краям земли,
погружаются в море, тонут, как корабли, –
финикийские, греческие, сарматские города –
и ни праздновать там, ни пьянствовать никому никогда.
Ибо масло давно прогоркло, прокисло вино,
да и самим амфорам, в сущности, все равно,
в каком году и с какой задачей их извлекут из моря,
похваляясь удачей, и лишь наверху, под телекамерой извне
обнаружат, что истина, к сожалению, не в вине.
И похоже, все извлеченное из глубины

